

болѣзни скифовъ. — 4, 5. *Н. Гороховъ*. Дневникъ пути отъ Верхоянска до верховья р. Дулгаха и обратно. — *К. Михайловъ*. Икоральская сельская община.

XV т. 1.—*Г. Я. П. Дуброва*. Поездка въ Монголію. — 3, 4. *Н. П. Прутузовъ*. Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутскаго окр. — 5, 6. *Н. Гороховъ*. Юрюнгъ-Уолаант (бѣлый юноша), якутская сказка.

XVI т. 1.—3. *Я. П. Дуброва*. Поездка въ Монголію (оконч., см. XV т.):—*Ад. Шаманскій*. Пизца якутовъ.—*М. Нестеровъ*. Могила Карабаяна.

XII т.—1, 2. *Врачъ Кириловъ*. Поездка въ Нижнеангарскъ, Баргузинскаго окр. на Байкаль въ 1885 г. (нижнеангарскіе тунгусы и пристани рыбопромышленниковъ; неводьба; рыболовство въ морѣ вообще и въ Ангарскѣ въ частности; жизнь рабочихъ; общія спарга).—*В. Л. Приклонскій*. О шаманствѣ у якутовъ.—*А. Поповъ*. О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской обл. — 3, 4. *Н. В. Савенковъ*. Къ развѣдочнымъ матеріаламъ по археологіи средняго течения Енисея. — *А. Еленевъ*. Сообщеніе о Вирусинскихъ пещерахъ.

XVIII т. *В. Л. Приклонскій*. Матеріалы по этнографіи якутовъ Якутской обл.: встрѣча весны, ысыахъ, преданіе объ учрежденіи ысыахъ и происхожденіи якутовъ; преданіе объ Эрв-аллѣ по Миддендорфу; якуты, вытѣсненные съ юга бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются приходшими русскими; остатки крѣпости въ Якутскѣ; судьба якутовъ послѣ Тыгына; устройство якутскихъ жилищъ зимнихъ и лѣтнихъ, пища, угощенія, посуда, одежда, оружіе, экипажи и сбруя. — *В. Ваишъ*. Нынешняя деревенская пѣсня (приложено 78 пѣсень, записанныхъ въ дер. Баллаши, въ 18 верст. отъ Иркутска).

XIX т.—2. *Насковинскій*. Кадиская писаница. — 3. *Хамановъ*. «Эгэгэ-аба», облава на звѣрей у древнихъ бурятъ.—*Д. Клеменцъ*. Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа.—Путешествіе въ Аляску лейтенанта Сетон-Кара (изъ «Proceedings of The Royal Geographical Society», 1887, V).—Путешествіе въ Манчжурію Джемса (изъ «Proc. of The R. G. S.», 1887, X).—Путешествіе г. Кэри въ Китайскій Туркестанъ и вдоль сѣверной границы Тибета.—4. Пещеры въ долинѣ Селенги.—5. *Н. Н. Сабуровъ*. Объ омуль и рыбопромышленности на Байкалѣ. — *К. А. Яковлева*. Всев. Нв. Вагивъ (библіографія).

XX т.—1, 2. *Н. И. Витковскій*. Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ р. Ангары.—*Д. А. Клеменцъ*. Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи въ Ачинскій и Капскій округа.—2. *Саричевъ*. Результаты раскопки кургана около г. Якутска.—*П. Проскуряковъ*. Юсская пещера.—*Карлополовъ*. Пещера близъ Ачинска.—3. Число бурятскихъ дѣтей, учащихся въ народныхъ школахъ въдомства Мин. Нар. Просв. въ Иркутской губ. къ 1 янв. 1889 г.—4. *Н. М. Ядринцевъ*. Отчетъ о поездкѣ въ Монголію и вершины Орхона.—*Н. В. Кириловъ*. Полуодомашненные изюбри въ Верхнеудинскомъ окр.—*Г. Н. Потанинъ*. Армарка пзюбровыхъ роговъ въ Гуй-хуа-ченъ.—5. Число инородческихъ дѣтей, обучавшихся въ народныхъ Училищахъ Забайкальской обл. къ 1 янв. 1889 г.

С М Ъ С Ъ .

Замѣтки о народныхъ вѣрованіяхъ въ Вологодской губ.

Издавая въ прошломъ году наши «Матеріалы по этнографіи Вологодскаго края» (Труды Этногр. Отдѣла Н. О. Л. Ест., Антр. и Этн., кн. XI), мы хорошо сознавали, что нашъ трудъ далеко не можетъ исчерпать всего богатства научнаго матеріала по всемъ вопросамъ народной жизни даннаго края. Дѣйствительно, продолжая наши наблюденія, мы неоднократно наталкиваемся на новые интересные факты и явленія, которыя, накапливаясь у насъ постепенно, могли бы черезъ нѣсколько лѣтъ составить важное дополненіе къ нѣкоторымъ отдѣламъ нашего труда. Не желая однако въ на-

стоящее время, при существованіи специальныхъ этнографическихъ журналовъ, держать вновь добываемые отрывочные факты подъ спудомъ, считаемъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сообщать ихъ постепенно по мѣрѣ накопленія на страницахъ «Этногр. Обзорнія».

1. Почитаніе огня и деревьевъ.

Слѣды почитанія огня и деревьевъ ясно сохраняются въ вѣрованіяхъ и легендахъ до сей поры и не только въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, но и вблизи городовъ. Огонь повсюду считается безусловно священнымъ. Вотъ легенда, записанная въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Сослисъ два огня и говорятъ одинъ другому: я, братъ, разгуляюсь.—Почему?—А потому, что мой хозяинъ очень неопрятенъ: дуетъ меня не у самой печки, на каленые уголья плюетъ, ребятишки на меня с.ть,—спалю ихъ за это!—А другой говоритъ: у меня такъ хозяинъ опрятенъ: дуетъ меня у самой печки, гаситъ холодной и чистой водой; я берегу своего хозяина. Въ ту-же ночь домъ хозяина-неряхи сгорѣлъ.

Въ Замошской вол. Кадниковскаго у., близъ дер. Терентьева до сихъ поръ существуетъ большой еловый пенъ, пользующійся почитаніемъ окрестныхъ жителей. Огромная ель стояла одиноко среди поля многіе годы, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ее сломило вѣтромъ. Одинъ крестьянинъ, желая воспользоваться отломанной частью дерева на дрова, отрубилъ ее, раскололъ и продалъ, не смотря на протесты и предостереженія односельчанъ. За то онъ вскорѣ началъ хирѣть и въ томъ же году умеръ.

2. Вѣра въ превращенія.

Случаи обращенія людей въ животныхъ и въ деревья до сихъ поръ считаются у вологодскаго народа вполне возможными и нерѣдкими. Лягушки повсюду признаются обращенными людьми, во многихъ мѣстахъ и медвѣди. Всего же чаще люди обращаются въ волковъ. Рассказывается слѣдующій случай:

Жены двухъ братьевъ пошли однажды за водой. Одна изъ этихъ женщинъ была колдунья. Увидѣвъ, что въ ихъ озимъ попало стадо овецъ, колдунья положила на землю свое дерево (т. е. коромысло), перекинулась черезъ него и обратилась въ волка. Сноха ея вздумала сдѣлать то же, и ей это удалось. Колдунья, прогнавъ овецъ, вернулась и опять обратилась въ женщину, а сноха ея уже не могла. Такъ она и осталась волкомъ. У нея былъ сынъ и она часто приходила къ своему дому посмотрѣть на сына и поплакать. Впослѣдствіи ее какъ-то опять превратили въ человѣка, но только у нея до смерти осталась волчья шерсть подъ пазухами и на груди.

Въ Двиницкой вол. Кадниковскаго у., записана слѣдующая пѣсня:

Молодая-то жена не въ любви пришла.
 День кляли ее да до полуночи.
 Со полуночи ворота отворилися,
 Выносило ее въ чисто полюшко.
 Выростала тутъ березонька.
 Ъдетъ молодецъ съ ученица:
 Дивовался онъ березонькѣ:
 Что когда же, когда выросла?
 Добрый молодецъ слѣзалъ съ коня,
 Ынмаетъ саблю вострую.
 Ужъ какъ первый разъ ударилъ—кровь-то брызнула,
 Что другой-отъ разъ ударилъ—слезно плакала,
 А какъ въ третій разъ ударилъ—слово молвила:
 Не руби ты, добрый молодецъ, меня,
 Не губи ты, добрый молодецъ, себя,
 Не губи ты малыхъ дѣтушекъ!
 Чте вѣдь я-то березонька—молода твоя жена.
 Что на мнѣ-то прутьеце—наши дѣтоньки.
 Какъ садился добрый молодецъ на воронова коня,

И поѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери домой,
И прѣѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери своей.
Онъ прѣѣхалъ, порасплакался ¹⁾.

3. Къ исторіи погребальныхъ обычаевъ (сани)

Считаю не лишнимъ отмѣтить одинъ замѣчательный, по моему мнѣнію, фактъ. Лѣтомъ 1890 г., гуляя въ окрестностяхъ Кадникова, я увидѣлъ вблизи дороги на ровномъ пустомъ мѣстѣ, поросшемъ тощей травкой, изгородь изъ жердей въ видѣ четырехугольника, аршинъ пять длиною и три шириною, внутри которой лежали опрокинутыя полозьями вверхъ совершенно новыя дровни. Оказалось, что подъ дровнями зарыта лошадь. Изъ справокъ и распросовъ выяснилось, что погребеніе лошадей производится подобнымъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ уѣзда, но не всѣхъ лошадей, а только *коней*, т. е. лошадей, на которыхъ исключительно ѣздятъ верхомъ. Такого коня, когда онъ околѣетъ, владѣлецъ кладетъ на дровни (хотя бы и лѣтомъ) и вывозитъ какъ покойника, головою назадъ, въ поле, зарываетъ въ землю около дороги, на могилу опрокидываетъ дровни и обноситъ могилу прочной изгородью. Дровни, хотя они и новыя, никогда и пикто не тронетъ, они такъ и сгниютъ на мѣстѣ ²⁾.

Н. Иванцкій.

Кадниковъ. Май 1891.

Посидѣлки.

(въ Тульскомъ и Веневскомъ уѣзд. 3).

Подъ именемъ «посидѣлокъ» разумѣется время, опредѣляемое даревенскими дѣвушками-невѣстами себѣ для гулянія предъ тѣмъ, какъ имъ заняться своими обычными, осенними и зимними работами. Посидѣлки бывають въ концѣ сентября или въ началѣ октября и обыкновенно начинаются въ одно изъ воскресній, которое дѣвушки ближайшихъ между собою деревень выберутъ по взаимному согласію. Продолжаются же онѣ недѣлю, а иногда и больше.

Посидѣлки доставляютъ дѣвушкамъ случай пожить, хотя и не много времени, совершенно самостоятельно, свободно и весело. Поэтому дѣвушки ожидаютъ ихъ, какъ праздника. Еще задолго до посидѣлокъ онѣ успѣють найти у какой-либо безсемейной или малосемейной бабы домъ, гдѣ-бы имъ проводить посидѣлки, сумѣють отпросить тѣхъ изъ своихъ подружекъ, которыхъ почему-нибудь не хотятъ отпустить ихъ родители, и заготовятъ себѣ нужные наряды.

Въ первый день посидѣлокъ дѣвушки окончательно договариваются относительно квартиры. Условія, на которыхъ уступается имъ изба, почти всегда состоятъ лишь въ томъ, чтобы дрова, харчи и всѣ хлопоты по дому за время посидѣлокъ были дѣвичьи. Затѣмъ посидѣльщицы мало-по-малу устраиваются въ нанятой избѣ. Сюда приносятъ положенное съ каждой посидѣльщицы количество муки, крупъ, масла и т. п. Обыкновенно каждая дѣвушка должна представить: ржаной муки 10—20 фунтовъ, картофелю 2 кошолки или 2 ведра, сѣмени коноплянаго $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$ мѣры (оно мѣняется дѣвушками въ маслостойникахъ на масло), масла коровьяго 1 чайную чашку и одну курицу. Собирають также деньгами копѣйки по двѣ, по три. На нихъ покупають водки, чаю, сахару, конфетъ, ямакъ, орѣховъ и подсолнуховъ, что служитъ для угощенія посидѣльщицъ изъ другихъ деревень, когда тѣ придутъ сюда въ гости, и для угощенія парней, которыхъ дѣвушки приглашаютъ по вечерамъ играть на гармоникахъ.

Въ первый же день посидѣльщицы рядятся цыганками въ лохмотья, цыганами съ льняными бородами, привѣшиваютъ себѣ сумы и въ такомъ нарядѣ ходятъ по дворамъ своей деревни и собирають все, что дадутъ, и хлѣбъ, и соль, и крупу, и даже дрова.

¹⁾ См. «Этногр. Обзор.», кн. VII, 262.

²⁾ См. псалѣд. проф. Д. Н. Анучина о погребальныхъ обрядахъ. «Древности» Моск. Арх. Общ., т. XIV. Этно. Обзор. V., 175.

³⁾ О посидѣлкахъ см. статью проф. Н. Сумцова: „Досѣтки и посидѣлки“ въ „Кіевской Стар.“ 1886 г., мартъ. *Ред.*